

Главный редактор попросил меня предварить подборку чем-то вроде «обращения к читателю». Ну, с чем мне, дорогой читатель, к вам обратиться? Не с манифестом же. Нет у меня для вас манифеста. Не знаю я, что такого можно вам, милый мой читатель, предложить.

Зато я знаю, уважаемый читатель, как к вам обращаться. На «вы», конечно. Вот и все. Не говорить же «товарищ» или «господин». Тем более что вы, возможно, девушка. Тут как с полицией. Подходит к тебе девушка-полицейский, и вот как к ней обращаться? По-привычке «товарищ милиционер»? А может, она никогда и не была милиционером, пришла на работу уже в полицию? «Господин полицейский»? «Госпожа полицейская»? «Девушка, девушка, да-да, вы, хорошенькая, в полицейской форме»? Не знаю. Последний вариант, наверное,

лучший. Главное ведь что? Главное, чтоб она была доброй полицейской.

Как читатель. Очень хочется, чтоб читатель тоже был — не злой читатель, а добрый читатель. Или читательница. Читают-то, в основном, как раз девушки. Хотя, разумеется, не только.

Но я о другом. Я о том, что если и есть какие-то манифесты у стихотворцев, то они в их текстах. Вот и нынешний мой манифест тоже будет в стихах. Готовил я подборку и вспоминал недавний разговор с Валерием Дударевым. Он говорил, что писать нужно для вечности, для будущего. Я что-то ответил, не помню что. Но лучше ответить в рифму.

Главному редактору, возможно, не очень удобно печатать стихи про себя в своем же журнале. А из моего «обращения» он его, может, и не выкинет. Такое вот будет мое «обращение к читателю».

Валера, будущего нет,
Пойми, нет вечности, Валера.
Лишь суета пустых сует
И бесполезная карьера.

Житье-бытье, труды и дни,
И запах елки новогодней.
И рая тусклые огни,
И кущи скучной преисподней.

Падет и рухнет наш бедлам.
А Бог на свежую планету
Уедет срочно по делам.
Кому полцарства за карету?

Коня подайте и конфет
И спрячьте все под одеяло.
Валера, будущего нет,
И прошлого как не бывало.

Евгений Лесин

* * *

Плачет музыка живая
Вот наплакала ведро
Выходите из трамвая
И катайтесь на метро

Ощетинились вагоны
То айфон а то айпад
Все играют в телефоны
Всюду гаджеты горят

Только я читаю книгу
В книге разные слова
Если я уеду в Ригу
С кем останется Москва?

* * *

Зачем вы всегда многословны, друзья?
Не верьте фальшивым улыбкам.
Какие там птички? Сегодня нельзя
Довериться даже и рыбкам.

Не надо подробностей, спрячьте язык.
И так вы идете по краю.

Чем больше деталей, тем больше улик.
Спасибо. А я замолкаю.

* * *

Пошел я в рюмочную. Драку
Там учинил. И был избит.
Точнее, так: меня избили,
Хоть ничего не учинял,
Нет, ничего не учинял я,
А просто мирно выпивал.
Я выпивал предельно мирно.
Тут злобно двое подошли.
Потом избили. Что поделать?
Уж больно злобные они.
Как били, впрочем, я не помню,
В таксо садясь, кого-то я
Ругал обидными словами
За то, что он меня избил.
Но суть не в том..
А в том, что гады,
Конечно, все-таки они.
Пришел опять я мирно выпить.
Кричал, что Родину люблю.
Кричал: люблю ее, родную,
Уж очень я ее люблю.
Тут подошли опять те двое.
Те двое злобных неприятных,
И вот опять меня избили.
Опять они меня избили.
А я всего лишь мирно выпить
Пришел туда и мирно пил.

Мне объяснил один ученый,
Ученый яростный с Плющици
Мне объяснил потом: пойми,
Пойми, natura naturata,
Тут диалектика, увы..
Я шел из рюмочной. Природа
Глядела вниз, и шли трамваи.
Трамваи ехали куда-то.
Полна Россия лорелей.

* * *

Идем остатками Арбата,
Где раньше Пушкин голосил.

И выбиваемся, ребята,
Из лошадиных наших сил.

Вот скорой помощи карета,
Фонарь на тысячу свечей.
Но нам уже не надо света,
И город наш давно ничей.

Зато метро все время рядом,
Давайте мусор уберем.
Поговорим со снегопадом,
И потолкуем с фонарем.

Мы ничего не прозеваем,
Всегда и всюду под замком.
Мы не беседуем с трамваем,
Пока он с нами не знаком.

Как тяжело в России местным,
В Москве и вовсе же беда.
Поговорите с неизвестным.
Ну что вам стоит, господа?

* * *

Телевиденье сломалось!
Дом стоит, как на ушах.
Все соседи, даже кошка
Трех измученных узбеков,
Что живут в подвале мирно,
Выбегали с топорами.
Кошка вынесла утюг.
Утюгом она грозила
Диверсантам и шпионам
И мяукала отважно:
На гиляку США.
Началась большая драка,
Позвонили срочно мэру,
Прилетел на вертолете
Взвод ученых из Чечни.
Мне опять набили морду,
Почему за что не помню,
Не пустили выпить рюмку
В мирной рюмочной Торец.
Что?! — спросили.
— А Россия?!
А Россия вся тут гибнет,
Ну а ты опять в Торец?
Я в ответ: поэт Гельвеций...

Он учил: сегодня кошка,
Мне сказал поэт Гельвеций,
Родила вчера котят.
Что?! —
Спросила тихо кошка...

....

Кровь умыл я, утешали
Добродушные соседи
Бестолкового меня.
Говорили — вот Гельвеций,
Помнишь ведь — поэт Гельвеций
Приходил мириться с Кантом,
А из маминой из спальни
Взвод ученых из Чечни.
Мартин Хайдеггер в подтяжках,
Мартин Бубер с огурцами,
Бертран Рассел с Кьеркье...

Ой!
Телевиденье включили.
Кто куда — а мне скорее
Снова слушать правду-правду,
Узнавать всю правду жизни.
Извините мне пора.

Поговорки

На красной площади семь пятниц
Москва горбатая горит —
Встречает ухарей и пьяниц,
Тех у кого кудрявый вид.

Привет приятели и братья
Гуляйте все кому не лень
И как обычно из Зарядья
Мы едем в кремль девятый день.

Москва горбатая на древке
Царелюбивый хоровод
Как интересно пляшут девки
Привет от Яузских ворот.

На красной площади парадность
Москва горбатая и в ряд
Самодержавия нарядность
И православие наград.

Врала у фрота на николу
Пойду повру как на золе

Иван великий очи долу
Увидел колокол в земле.

* * *

Тела пронзенные,
Дела скандальные.
Слова казенные,
Исповедальные.

Цари с боярами,
Где дым колечками.
Москва бульварами,
Любовь сердечками.

За минаретами
Могилы братские.
Опять каретами
К нам петроградские.

Кареты скорые,
Палаты душевные.
Где люди хворые,
Там воры ушлые.

Молва соленая,
Тоска напрасная.
Тоска зеленая,
Да язва красная

Снимая трусики,
Не трожьте платице.
За ваши усики,
За наше счастьеце.

Что ты наделала,
Братва ученая?
Горячка белая,
Что оспа черная.

Поможет оспа та
Помету сучьему.
По воле Господа,
Веленью щучьему.

Помашем ручками,
Попляшем ножками.
На небо тучками,
И в землю рожками.

Олени ссучены
И пусто в коробе.
Зато научены
Болтаться в проруби.

* * *

Уверенной и легкою походкой
Уходит Лот из города за МКАД.
По нам уже долбят прямой наводкой,
А кошка родила вчера котят.

Вчера был Апокалипсис сегодня,
А завтра будет лучше, чем вчера.
В Москва-реку впадает речка Сходня,
И вечер начинается с утра.

Сражаются бесславные ублюдки.
Пока не выдаст бог, свинья не съест.
Сидит Харон в обшарпанной маршрутке
И деньги собирает за проезд.

* * *

На Бога надейся, кудрявый Рамзес,
Прости, если что, за обиды.
Сегодня разверзнутся хляби небес.
И воры войдут в пирамиды.

В реке крокодилы, вода, как моча.
Сплошной нескончаемый праздник.
Сначала лягушки, потом саранча.
И прочие милые казни.

На Бога надейся, у Бога аврал,
К чему проявлять беспокойство?
У вас фестиваль, а у нас карнавал.
И вечное благоустройство.

На Бога надейся, получишь ответ.
Пустыня. Зачем тебе сани?
Плохой, Моисей, из тебя краевед.
Ты просто какой-то Сусанин.

Надейся и верь, голоси и проси.
Все в прошлом, и горе — не горе.
Веди, Моисей, гольтьбу по Руси.
Едва ли расступится море.

* * *

Поскольку вам ничем не угодишь,
Читатель мой, наивный и уютный,
Терпите, как богиня повелела,
Цитат незакавыченных потоки,
А также гон, полив и суету,
Неряшливость, цинизм и непристойность,
Дешевые понты, бесцеремонность,
Навязчивость, повторы, что еще?
Забывчивость, капризы и кокетство,
Желание понравиться, причем,
Конечно, сразу всем, что невозможно,
Да мало ли.
Опять летает снег.
Машины так похожи на сугробы,
Точнее, превратились в них уже.
И март идет с проклятою весною.
А там еще и лето, черт бы взял.
Скорей бы осень.

